

Фактор читательских ожиданий как руководство для переводчика и семантико-стилистические проблемы современных русских переводов Библии

Совсем скоро христианский мир будет отмечать знаменательный юбилей – пятисотлетие Реформации. При этом восточнославянские народы должны вспомнить о том, что 2017 год станет годом двойного юбилея, ведь в 1517 году в Праге начинает издательскую деятельность белорусский и восточнославянский первопечатник и переводчик Библии Франциск Скорина. Для белорусов эта фигура стала культовой, что неудивительно: появление национального перевода Библии – событие, которое переоценить невозможно. Приближающийся двойной юбилей заставляет обратить особенно пристальное внимание как на саму проблему библейских переводов на восточнославянские языки, так и на те достижения, которые имеются в современной практике перевода Священного Писания.

Среди этих достижений, несомненно, должны быть названы два громких проекта, реализованных в последние годы, – перевод Российского библейского общества и «Заокский перевод». В настоящем докладе остановимся на таком вопросе, как соответствие названных переводов гипотетическим (и вполне реальным) читательским ожиданиям, в том числе в контексте семантико-стилистического анализа итогового текста.

Читательские ожидания по отношению к появляющимся современным переводам Библии, лежат, как нам представляется, как минимум в следующих трех плоскостях: 1) соответствие перевода современному состоянию литературного языка («лингвистическое качество» текста); 2) реализация в тексте современной методологии перевода (условно говоря, «литературное качество»); 3) отражение в тексте тех результатов современной библеистики (текстологии, экзегетики и т. д.), которые непосредственно влияют на «итоговое состояние» переведенного текста.

Сегодня очевидно, что сама природа языка требует наличия многих переводов одного текста. Язык меняется, причем в определенные эпохи меняется чрезвычайно быстро. На протяжении только двадцатого века было целых два периода бурного развития русского языка – послереволюционный и постперестроечный. Для одного века это много, а сами изменения в языке оказались весьма существенными. Если соотносить этот факт с тем, что на протяжении всего двадцатого века Библия на русском языке была доступна в основном только в Синодальном переводе 1876 года, то напрашиваются некоторые размышления. Известно, что язык названного перевода был архаизированным уже на момент его появления; что же говорить о восприятии текста нашим современником? (Особенно памятуя о том, что «наш современник» – понятие, обозначающее очень неоднородное сообщество людей: для современного русскоязычного школьника даже язык русской литературной классики оказывается зачастую сложным для

понимания.) Так, уместно заметить, что в Синодальном переводе немало фрагментов, сама языковая структура которых такова, что понять их может только человек, являющийся тонким знатоком истории русского языка. Сколько таких знатоков среди тех, для кого русский язык является родным? Читатель перевода любого текста имеет право надеяться на то, что перевод как минимум не будет более «темным», чем оригинал. В связи с этим нельзя не упомянуть тот факт, что тексты Нового Завета для современников их авторов отнюдь не были тяжеловесными в плане языка и стиля. И наш современник в идеале также должен видеть перед собой текст достаточно «прозрачный» и адекватно передающий стилистическую динамику оригинала.

Кстати, *язык* и *стиль* – разные понятия. От современного перевода требуется не только современный язык, но и соответствие современному уровню представлений о стилистической адекватности перевода оригиналу. Библия – собрание очень разных по жанрам и по стилю текстов. Хочется видеть это многообразие и в переводе: одинаковая на всем протяжении текста «возвышенная торжественность» никак не может быть оправданной.

В связи с разговором о языке следует сказать также о том, что и изучение самих библейских языков не стоит на месте, поэтому, как сказано в предисловии к переводу Института перевода Библии Заокской духовной академии, необходимость новых переводов «продиктована и значительными достижениями второй половины XX века в области сравнительной семитологии и исторической грамматики библейских языков, а также уяснением арамейской основы языка некоторых книг Нового Завета» [1, с. 6].

Говоря о реализации в тексте современной методологии перевода, мы выходим на специфику перевода как вида словесной деятельности. Для многих верующих – основных читателей Библии – данная тема оказывается совершенно закрытой. Вероятно, есть смысл попытаться донести до целевой аудитории информацию о том, что перевод может быть разный – например, более буквальный или более «смысловой». Библия – это совокупность очень древних текстов, при буквальном переводе которых придется очень часто иметь дело с плачевным результатом: текст, опять же, окажется просто непонятным. И в Синодальном переводе мы действительно находим немало буквализмов, явно затемняющих смысл высказывания. Современная теория перевода отдает предпочтение именно «смысловому» переводу. Однако целевой читатель иногда оказывается буквально ошарашен, когда при сравнении современных переводов Библии с привычным Синодальным встречается с довольно серьезными разночтениями. Но такова реальность, поэтому мы и призываем просвещать читателя. Правда, говоря о читательских ожиданиях, мы подразумеваем, в первую очередь, читателя «уже просвещенного». Собственно, вероятно именно на него и следует ориентироваться, даже если таковых – меньшинство. В этом можно было бы усмотреть парадокс, но любой иной путь, скорее всего, окажется тупиковым.

Другое дело, можно высказать предположение о том, что в будущем окажется возможным поставить вопрос о создании переводов для разных

целевых групп. Например, приходит на ум идея некоего «строго научного» перевода, который мог бы быть максимально буквальным, избегая при этом разве что буквализмов, недопустимых с точки зрения грамматики и стилистики целевого языка (кстати, в Синодальном переводе их, разумеется, великое множество; классический пример – буквальные переводы случаев гендиадиса).

Причем очевидно и то, что чем больше переводов – тем лучше. Даже наличие двух переводов одного текста создает возможность «бинокулярного зрения». Какой-либо фрагмент, непонятный читателю в одном переводе просто по причине сложности языковой структуры оно, может оказаться понятным благодаря обращению к другому переводу. Несколько иная ситуация – так называемая иллюзия понятности: когда читатель уверен в том, что он правильно понимает текст, хотя его понимание на самом деле ошибочно. И вот здесь количество доступных читателю переводов воистину принципиально: когда человек видит, что его ошибочное понимание базируется на одном переводе, в то время как все остальные демонстрируют возможность иного понимания, он (при наличии адекватного мышления) сможет сделать некие важные выводы.

В связи с этим русскоязычного читателя можно уже поздравить: не во всех постсоветских странах ситуация с количеством и качеством переводов Библии столь радостная. Например, хотя есть уже несколько переводов Библии на современный белорусский язык (переводов Нового Завета больше, чем Ветхого), однако все еще ощущается «количественно-качественная неудовлетворенность».

Наконец, современный «просвещенный» читатель ожидает увидеть в переводе отражение тех плодов, которые принесли современная текстология, экзегетика и т. д. Ожидается, что текстологическая основа будет адекватной, что сам справочный аппарат издания будет содержать необходимые текстологические комментарии хотя бы в минимальном объеме (а мы беремся утверждать, что такой аппарат просто необходим). В связи с этим «Заокская Библия» выгодно отличается от некоторых других изданий, в том числе от перевода РБО. Вот простой пример: открываем последнюю главу Евангелия от Марка. Что мы там видим? В «Заокской Библии» мы видим и текстологический комментарий, посвященный окончанию этой книги, и адекватное оформление текста с использованием двойных квадратных скобок. Ничего подобного мы не видим ни в первом, ни во втором изданиях перевода РБО; только в издании «Радостная весть» окончание Евангелия от Марка было оформлено адекватно.

Читатель уже не может чувствовать себя слепым котенком: ему хочется знать, *что* переводилось (текстологическая основа), с какого языка переводилось, как переводилось (методика перевода), какие есть варианты как самого текста (разночтения), так и перевода. (Кстати говоря, и фамилии переводчиков отнюдь не должны быть тайной для читателя.) В результате текст уже не выглядит «закрытым»: в нем масса сносок, переводческих и текстологических примечаний, специальных обозначений. Действительно,

достаточно принципиально знать, что тот или иной фрагмент текста – позднейшая вставка, какое-то чтение является сомнительным, какое-то выражение можно понять двояко и т. д. Мы выносим за скобки рассуждения о том, в какой степени христианин – читатель Библии должен быть «наивным», «простодушным» в отношении текста Священного Писания: нет никаких причин думать, что христианская вера должна сочетаться с элементарной неосведомленностью относительно «жизни текста» – его бытования в Церкви и мире, сопряженного со сложностями многовековой передачи его от эпохи авторов до нашего времени. Странные представления о том, что чья-то вера должна понести урон, когда человек узнает, что окончание Евангелия от Марка не принадлежит первоначальному тексту, остаются именно *странными представлениями*, обсуждение которых не имеет большого смысла.

Отражаются ли в переводе результаты экзегетических штудий? По идее, они должны как-то отражаться. Читатель, знающий Библию, обращает внимание на перевод неких ключевых для него самого отрывков и зачастую остается разочарован. Для нас, например, остается загадкой, почему практически во всех русских переводах никак не осуществлена попытка отразить вполне здоровое с точки зрения смысла всего контекста понимание 1 Ин 1:7, в соответствие с которым выражение «друг с другом» означает не «люди с людьми», а «человек с Богом». Для этого вполне можно было бы использовать подстрочное примечание, если иной способ кажется слишком радикальным. (Данный текст, в частности, неплохо комментируется в так называемом «Толковании Далласской теологической семинарии», известной русскоязычному читателю в переводе под редакцией П. Харчлаа.)

Возвращаясь к вопросу справочного аппарата издания, следует сказать, что воистину прекрасный аппарат изданного Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея «Заокского перевода» вовсе не должен наводить на мысль о том, что это издание «для специалистов». Мы беремся утверждать, что и этот аппарат, и сам способ подачи текста – норма для любого современного библейского перевода. Более того, судя по всему, данный перевод можно рассматривать как универсальный в плане целевой аудитории (во всяком случае, такая заявка имплицитно сделана). Вот пример: при всей серьезности аппарата мы находим в тексте массу *курсивных написаний*, служащих для «связности» текста, его стилистической стройности и удобочитаемости. Такой прием знаком читателю и по Синодальному переводу, но перевод Института перевода Библии в Заокском содержит гораздо больше таких написаний, а это явно направлено на то, чтобы максимально доступно донести смысл текста читателям самым разным, в том числе впервые читающим Библию, не подготовленным в языковом плане и т. п.

Говоря о хорошем аппарате «Заокской Библии», мы все же вынуждены сказать, что такой элемент аппарата, как предисловия к отдельным книгам, здесь уступает предисловиям в таком чрезвычайно ценном и интересном издании, как «Радостная весть. Новый Завет. Современный русский перевод.

Учебное издание» (РБО). Возможно, в последнем они чуть больше по объему, и именно поэтому там удалось чуть более тонко подойти к некоторым щепетильным вопросам авторства и т. п. Но в любом случае, в «Заокской Библии» можно заметить некоторый диссонанс между серьезностью текстологических обозначений, подстрочных примечаний и некоторой «облегченностью» предисловий.

Разумеется, в целом оба новейших перевода Библии на русский язык – перевод РБО и «Заокский перевод» – оправдывают читательские ожидания по заявленным выше параметрам, но оба нуждаются в дальнейшем совершенствовании. И здесь семантико-стилистический анализ, учет читательских замечаний – важный этап этого дальнейшего совершенствования текста перевода.

При семантико-стилистическом анализе переводов на первый план могут выходить проблемы либо формы, либо смысла, либо целостного восприятия.

Так, в переводе Мих 3:3 по версии «Заокской Библии» мы встречаем довольно сомнительное употребление фразеологизма *есть поедом*. *Есть поедом* значит ‘непрестанно бранить, мучить попреками’ или чуть в более буквальном смысле и только о насекомых, как во фразе *мошкара ест поедом*. В данном же отрывке речь идет о социальной несправедливости, для описания которой используются натуралистические образы. Для сравнения приведем перевод РБО: «**Пожираете плоть моего народа:** кожу с него содрали, кости его раздробили, нарубили его, будто мясо в котел, нарезали, будто в жаровню».

В Мф 17:2 ситуация похожая – в том смысле, что стилистический недочет виден даже без обращения к оригиналу: «...от лица Его исходило сияние, словно от солнца, а одежды Его белизной лучились, как свет». Разумеется, в оригинале не «лучились», а просто «сделались белые, как свет». Но повторяем, что удивление возникает даже без обращения к оригиналу. Ведь отсутствующая в нем и созданная уже в русском переводе метафора (*одежды белизной лучились*) нанизывается на сравнение (*лучились, как свет*). Уже само по себе создание в переводе отсутствующей в оригинале метафоры не может найти сочувствия, а ее нанизывание на сравнение, причем нанизывание чрезвычайно странное (ведь *лучиться* – это ‘испускать лучи’, следовательно – здесь еще и скрытое или даже явное нарушение лексической сочетаемости: *лучиться* может источник света, но не сам свет), вызывает именно изумление. Читатель должен буквально споткнуться об это предложение: уж слишком витиеватая образность для евангелия. Наконец, такая мелочь, как совершенно излишняя инверсия (*белизной лучились*), – воистину мелочь.

В качестве примера не такой глобальной, но, видимо, достаточно заметной стилистической шероховатости на уровне лексики можно найти в переводе Мф 22:6: «...оставшиеся же схватили слуг его...». *Оставшиеся* где? Можно подумать, что слуги царя в притче о званых на пир обращались к

некоей толпе, собранной в одном месте. По смыслу там не *оставшиеся*, а *остальные* или *прочие*, как в других переводах.

В Мф 15:12 мы сталкиваемся с достаточно известной трудностью: как переводить *σκανδαλίσειν*. В Синодальном переводе трудно понятное современному русскоязычному читателю «фарисеи... **соблазнились**». В «Заокской Библии» – «слова Твои **покоробили** фарисеев»; в переводе РБО – «Твои слова **вызвали негодование** у фарисеев». Второй вариант, видимо, не только выразительнее, но и точнее по смыслу.

Заметили мы в «Заокской Библии» и странные шероховатости на уровне синтаксиса. Мф 9:4-6:

Иисус же, зная, о чем они думают, сказал им: «Для чего вынашиваете вы в сердцах такие недобрые мысли? Что легче сказать: “Твои грехи прощены” или “Встань и иди”? **Но чтобы убедить вас, что есть у Сына Человеческого власть на земле прощать грехи, – Он обратился к параличному: – Встань, возьми постель свою и иди домой!**».

Не совсем понятно, зачем нужно было оставлять такую синтаксическую несогласованность. Это синтаксический буквализм, характерный, скорее, Синодальному переводу. Нет причин повторять подобное в современных переводах. Например, перевод РБО в таких случаях удачно выходит из сложной ситуации.

На смысловом уровне в качестве показательного **удачного** перевода можно привести пример Пс 113:1 по версии «Заокской Библии». М. Вайс утверждает, что для глубинного понимания всего псалма в широком библейском контексте принципиально то, что Израиль вышел от «народа с **чужим языком**» [2, с. 104]. Именно такой перевод мы находим в «Заокской Библии», и только в ней! (В Синодальном переводе – *народ иноплеменный*.) Здесь интересно то, что от небольшого нюанса зависит ряд смысловых связей с другими библейскими текстами, которые можно уловить только при таком переводе.

Наконец, показательный пример мотивированной, но сомнительной в плане удачности попытки реализовать ориентированную на читателя стратегию перевода мы находим в Мф 11:29, где версия РБО и «Заокская Библия» оказались солидарны. В Синодальном переводе: «...возьмите иго Мое на себя...». В переводе РБО: «Наденьте на себя ярмо Моих заповедей...». В «Заокском переводе»: «Примите на себя иго *заповедей* Моих...», где *заповедей* выделено курсивом, что смягчает возможные претензии. Дело в том, что *ярмо* – это **образ**, *заповеди* – это **понятие**. Язык образов и язык понятий – два разных языка. Они даже противостоят друг другу, и всегда будут вызывать настороженность попытки заменить один другим или создать из них некий гибрид, как и сделано в обоих рассматриваемых переводах. Ведь в результате образ обедняется, сужается. Возможно, он становится «понятнее» читателю (да и сама вставка может быть оправдана: см., например, комментарий на данное место в «Учебном издании Нового Завета» РБО), но в данном конкретном случае есть смысл задаться вопросом: а неужели образ столь сложен, что его надо

расшифровывать? Представляется, что образный язык Иисуса настолько емкий, что при всем стремлении переводчика сделать его более «прозрачным» в подобных случаях есть опасность «понятийными расшифровками» именно сузить и обеднить смысловую сторону высказывания, когда текст «растягивается», а семантическая емкость девальвируется.

Таким образом, памятуя о читательских ожиданиях, следует, однако, избегать попыток облегчить читателю восприятие текста непременно во всех случаях, особенно когда никакой явной необходимости в этом нет.

Литература

1. Библия в современном русском переводе / Институт перевода Библии при Заокской духовной академии. – Заокский: Источник жизни, 2015. – 1856 с.
2. Вайс, М. Библия и современное литературоведение: метод целостной интерпретации / М. Вайс. – М. : Мосты культуры, 2001. – 445 с.